Научная статья

УДК 82.091+821.161.1+821.222.1]-042.75:929

doi: 10.17223/24099554/18/12

ХОСРОВ-МИРЗА: ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ. К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНОМ СВОЕОБРАЗИИ РУССКО-ПЕРСИДСКИХ СВЯЗЕЙ

*Оксана Анатольевна Кравченко¹,
Зейнаб Садеги Сахлабад²*

^{1, 2} Университет Аль-Захра, Тегеран, Иран

¹ o.kravchenko@alzahra.ac.ir

² z.sadeghi@alzahra.ac.ir

Аннотация. Образ персидского принца Хосрова-Мирзы вошел в русскую художественную культуру XIX и XX столетий. Образ формирует особый мотивный круг, окрашенный индивидуально-личностными особенностями принца. Исследование смысловых пластов, сопряженных с этим образом, позволяет говорить о наличии персидского текста в творчестве Н. Гоголя. Особая перспектива анализа реализована привлечением книги М. Афшара «Рузнаме-йе сафари Петербург», позволяющей осмыслить образ Хосрова-Мирзы в контексте диалога культур.

Ключевые слова: Хосров-Мирза, Восток, Иран, Н. Гоголь, диалог культур

Для цитирования: Кравченко О.А., Садеги Сахлабад З. Хосров-Мирза: историческая личность и художественный образ. К вопросу о культурном своеобразии русско-персидских связей // Имагология и компаративистика. 2022. № 18. С. 245–268. doi: 10.17223/24099554/18/12

Original article

doi: 10.17223/24099554/18/12

KHOSROW MIRZA: HISTORICAL FIGURE AND ARTISTIC IMAGE. ON THE CULTURAL ORIGINALITY OF RUSSIAN-PERSIAN TIES

Oksana A. Kravchenko¹,
Zeinab Sadeghi Sahlabad²

^{1,2} Alzahra University, Department of Russian Language, Faculty of Literature,
Tehran, Islamic Republic of Iran

¹ o.kravchenko@alzahra.ac.ir

² z.sadeghi@alzahra.ac.ir

Abstract. The image of Persian Prince Khosrow Mirza, who headed the Apology Delegation to Russia, entered the Russian artistic culture of the 19th and 20th centuries. His name was mentioned by Alexander Pushkin in *A Journey to Arzum*, by Nikolai Gogol in the Petersburg stories *The Nose* and *The Portrait*. Yury Tynyanov in his novel *The Death of Vazir-Mukhtar* (1928) elaborated in detail characteristics of the Persian prince. In Dmitri Shostakovich's Opera *The Nose*, a musical and dramatic picture was built around the image of Khosrow Mirza. Although this image is inextricably linked to the memory of the death of Alexander Griboyedov, it formed a special set of motifs "colored" by the prince's individual and personal features. The consideration of Khosrow Mirza's image in Gogol's stories casts doubt on the hypothesis proposed by Natalia Seregina about the connection of this image with the satirical element of the comedy *The Inspector General*. The image of Khosrow Mirza turns out to be the generator of the formation of the Persian text of Gogol's *Petersburg Tales*. The analysis of the draft versions of the story *The Portrait* allows us to argue that, at the very beginning, a special semantic node is formed, which involves the generals who participated in the wars with Turkey and Iran, and the Tehran ambassador. Thus, an orientation is created for the development of an oriental theme, which was subsequently realized in the image of the terrible portrait and the demonic lender. The study of the semantic layers associated with Khosrow Mirza makes it possible to discover the connections between the Persian images of Gogol and the adventure novel *The Adventures of Haji Baba from Isfahan* by James Justinian Morier. Pictures of Persian life appear in the images of the Isfahan hereditary barber and local beauties, in the motif of money, cut-off noses, a head baked in bread, and are reflected in the stories *Nevsky Prospect*, *The Nose*, *The Portrait*. Another perspective of analysis opens up when understanding the special

mission of Khosrow Mirza, aimed at the dialogue of cultures. The prince's desire is noted to present in Russia the works of the great Persian poets Saadi and Ferdowsi, to implement the rhetoric of dialogue in an apology to Griboedov's mother and in a speech addressed to the Russian emperor. The introduction to scholarly discourse of translations of the book *Ruzname-ye Safari Petersbourg* [*The Travel Notes of Khosrow Mirza*] by Mirza Mustafa Afshar provides an insight into the Persian perception of the journey to Russia. The episodes of the arrival of the Iranian embassy in the royal palace, the description of the Tauride Palace, the process of making lithographs are considered. The authors conclude that the Persian embassy in St. Petersburg in 1829, caused by the tragic events, nevertheless significantly contributed to the strengthening of Iran's authority and the formation of its unique cultural image in the minds of the Russian public. Much credit for establishing the dialogical character of relations belongs to the head of the Persian mission, Prince Khosrow Mirza.

Keywords: Khosrow Mirza, East, Iran, Nikolai Gogol, dialogue of cultures

For citation: Kravchenko, O.A. & Sadeghi Sahlabad, Z. (2022) Khosrow Mirza: Historical figure and artistic image. On the cultural originality of Russian-Persian ties. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 18. pp. 245–268. (In Russian). doi: 10.17223/24099554/18/12

Принц Хосров-Мирза¹ (1813–1875) был внуком иранского правителя династии Каджаров Фетх Али-Шаха и седьмым сыном наследника престола Аббаса-Мирзы. В 1829 г. после убийства А. Грибоедова и разгрома русской дипломатической миссии в Тегеране он был послан в Россию во главе извинительного посольства. М. Розанов, основываясь на записях П. Сухтелена, назначенного русским правительством сопровождать посольство в Петербурге, описывает принца следующим образом: «Это был молодой еще человек, лет 16-ти, но во всех отношениях самый симпатичный из множества персидских принцев; он состоял в звании статс-секретаря по внешним сношениям» [1. С. 209]. Историческая миссия Хосрова-Мирзы состояла в том, чтобы смягчить последствия тегеранского инцидента. Помимо возложенной на него Фетх Али-Шахом задачи, Хосров-Мирза не только способствовал восстановлению друже-

¹ В написании имени принца приняты также следующие варианты: Хозрев-Мирза, Хосрев-Мирза.

ственных отношений двух стран и отмене части персидского долга, но также приобрел известность и пользовался благосклонным вниманием российской общественности. «Умный от природы, добродушный, одушевленный благородными чувствами и мыслями и вдобавок наделенный прекрасной наружностью, молодой принц скоро сделался общим любимцем, начиная с самого государя» [1. С. 218]. Образ Хосрова-Мирзы вошел в русскую художественную культуру XIX и XX столетий.

Анализ данного образа позволяет расширить представления об ориентальном тексте русской литературы, концептосфера которого была многоаспектно исследована в докторской диссертации П.В. Алексеева [2]. В итоговом на сегодняшний день научном труде Института востоковедения Российской академии наук под руководством Л.М. Кулагиной «Россия и Иран (XIX – начало XX века)» Хосров-Мирза упомянут лишь единожды [3]. Между тем эта личность широко представлена в исторических свидетельствах и документах. Введение их в сферу литературоведческого исследования даст возможность более отчетливо понять характер взаимоотношений между Россией и Ираном в первой трети XIX в., а также проследить культурные и литературные реакции на присутствие в России иранского посланника.

Актуальность предложенной темы обусловлена общим интересом современного литературоведения к проблемам имагологии, компаративистики и межкультурной коммуникации. Задача настоящей статьи состоит в изучении художественной специфики литературного образа Хосрова-Мирзы, а также в осмыслении культурно-исторических деталей его поездки в Россию. Данная задача соотносится с современной научной ситуацией, которую описывает Т. Мальцева: «Несмотря на длительность и важность контактов пограничных государств, связи России и Персии изучены еще недостаточно...» [4. С. 83]. Методологически продуктивным представляется нам диалогический подход, состоящий в анализе описаний одного и того же явления российскими и иранскими источниками. Это позволит прояснить культурную значимость и уникальность места Хосрова-Мирзы в развитии русско-иранских связей.

Дипломатическая миссия Хосрова-Мирзы была предопределена политическими обстоятельствами, сложившимися после тегеранской

трагедии. Россия, воевавшая в это время с Турцией, стремилась избежать нового обострения отношений с Ираном. Иранское же правительство проявляло «излишнюю самоуверенность» и, по словам иранского историка Ахмеда Тадж Бахша, «после убийства Грибоедова в политике русского царя шах усмотрел слабость России и даже собирался начать против нее третью войну» (цит. по: [3. С. 72]). Не рассчитывая на мирное урегулирование «происшествия», шах начал переговоры с Турцией о совместном выступлении против России. Однако победа русских войск над Турцией предопределила отправку искупительной иранской миссии в Петербург.

При всем благожелательном отношении российского общества к Хосрову-Мирзе выпавшая ему роль носила жертвенный характер. Об опасности осуществляемой им миссии Хосров-Мирза помнил постоянно, о чем могут свидетельствовать донесения Третьего отделения (политической полиции Российской империи). Здесь воспроизводятся всевозможные слухи, сопровождавшие приезд персидского принца. К примеру, в донесении майора Брянчанинова сообщается, что принц, «боясь, чтоб его не убили в Москве, будто бы дал для черни на угощение 6 т<тысяч> руб., дабы укротить их мщение» [5. С. 216]. Слухи же придают посольской миссии Хосрова-Мирзы ореол жертвенности: «К числу различных о нем рассказов говорят: что будто ГОСУДАРЮ угодно задержать Принца до будущего лета <...> и потому он будет у нас, так сказать, в закладе <...> и что так как в Персии есть закон отдавать за убийство головою, то будто Аббас-Мирза, считая себя виновным пред нашим ИМПЕРАТОРОМ посылает за Грибоедова своего сына» [5. С. 215–216]. Несмотря на благополучный исход посольской миссии, поездка в Россию предопределила политический крах принца на родине и его личную трагедию. Брат Хосрова-Мирзы Мохаммед-Шах, вступивший на престол в 1834 г., приказал ослепить его, тем самым устранив опасного соперника, пользующегося расположением императора Николая I.

Хотя образ Хосрова-Мирзы неразрывно связан с воспоминанием о смерти А. Грибоедова, он формирует особый, окрашенный индивидуально-личностными особенностями принца мотивный круг. По свидетельству современников, персидский принц «был среднего роста, строен, имел очаровательные глаза и необыкновенно приятную улыбку; обладал живостью в разговоре, и был замечательно

приветлив в обхождении» [6. С. 414]. Его имя упоминают А. Пушкин в «Путешествии в Арзрум», Н. Гоголь в петербургских повестях «Нос» и «Портрет». Ю. Тынянов в романе «Смерть Вазир-Мухтара», вышедшем к столетию трагических событий в Тегеране в 1928 г., описывает атмосферу петербургского ажиотажа вокруг персидского принца. Также в 1928 г. осуществляется постановка первой оперы Д. Шостаковича «Нос» по повести Н. Гоголя, в которой образ Хосрова-Мирзы является ключевым в композиции кульминационной музыкально-драматической картины. Говоря о современном расширении спектра образных реализаций персидского посольства, следует отметить и его кинематографические интерпретации, осуществленные в фильме А. Сокурова «Русский ковчег» (2002) и в телесериале «Смерть Вазир-Мухтара. Любовь и жизнь Грибоедова» режиссера С. Винокурова (2009).

Биография Хосрова-Мирзы была описана и прокомментирована в очерке российского историка-востоковеда А. Берже «Хосрев-Мирза» [6]; в изучение личности иранского посланника и возглавляемого им посольства также вносят вклад статьи М. Розанова [1], Н. Маркелова [7], Ю. Балащенко [8]. Из новейших работ следует указать на публикацию доктора искусствоведения Н. Серegiной «Персонаж Хосрев-Мирза в опере Д. Шостаковича “Нос”» [9]. Трактовку оперного персонажа исследовательница возводит к эпизоду встречи А. Пушкина с траурным кортежем А. Грибоедова, описанной в «Путешествии в Арзрум». Опираясь на мнение С. Фомичева о вымышленном характере этого эпизода как своего рода мистификации с целью напомнить о погибшем поэте¹, Н. Серегина прочитывает в этом же – поминально-грибоедовском – ключе и гоголевские упоминания о Хосрове-Мирзе, переходящие уже в XX в. в роман Ю. Тынянова и текст оперного либретто. Вполне разделяя мысль исследовательницы о том, что образ Хосрова-Мирзы несет в себе грибоедовские кон-

¹ По мнению С. Фомичева, в этом очерке выразилось намерение Пушкина «сообщить о Грибоедове людям, ведь после его гибели было постановление – предать тегеранскую историю вечному забвению. Поэтому, вернувшись с Кавказа, Пушкин и написал свое “Путешествие в Арзрум”, эпизод которого, посвященный Грибоедову, по сути, стал единственным некрологом, которым Россия его почтила» [10. С. 452].

нотации, мы в то же время не согласны с высказанным предположением о близости образов Хосрова-Мирзы и Хлестакова. Встречу в России персидского посольства Н. Серегина считает возможным соотносить с перипетиями гоголевской комедии: «Не этот ли исторический сюжет с отчетами городничих о встречах юного персидского принца в городах России на всем пути его следования, о многочисленных курьерах, доставляющих эти донесения, озвучен в комедии “Ревизор”?» [9. С. 141]. Мы полагаем, что исследовательница сопоставляет в данной гипотезе две эпохи: гоголевскую и тыняновскую, а *posteriori* приписывая художественные смыслы романа «Смерть Вазир-Мухтара» комедии Гоголя. Наш дальнейший анализ будет сосредоточен на личностях, образах, событиях и документальных источниках XIX в.

Нам представляется, что образ Хосрова-Мирзы, объединяющий повести «Нос» и «Портрет», побуждает прежде всего к изучению более широкого – персидского – контекста цикла «Петербургских повестей». Если в концепции Н. Серегинной акцент ставится на как бы оставшийся за кадром, но незримо присутствующий образ А. Грибоедова, то в нашем прочтении в центр выдвигается образ персидского принца и стоящий за ним мир Востока. В интерпретации эпизодического персонажа важно учитывать не только единственный образ «Хозрева-Мирзы в бараньей шапке», но и присутствующие в черновых вариантах повести «Портрет» отсылки к фигурам русских военачальников И.И. Дибича и И.Ф. Паскевича, прославившихся в войне с Турцией и с Персией. В окончательной редакции повести их имена не названы («...несколько гравированных изображений: портрет Хозрева-Мирзы в бараньей шапке, портреты каких-то генералов в треугольных шляпах...») [11. Т. 3. С. 79]. Однако в черновых редакциях повести мы встречаем на них прямое указание: «Портреты Забалканского и Эриванского с красными лицами и пачечками <?> в руках...» [11. Т. 3. С. 586]. В комментариях отмечается, что «начало действия первой части повести не может быть отнесено ранее чем к концу 1829 – началу 1830 г., ибо персидское посольство, возглавлявшееся Хозревом-Мирзой, прибыло в Петербург 4 августа 1829 г. и выехало из столицы 6 октября того же года <...> На тот же период времени, т.е. на конец 1829 – начало 1830 г., указывает и упоминание в черновой редакции о “портретах Забалкан-

ского и Эриванского”, исключенное из печатного текста. Ассоциация имен генерал-фельдмаршалов гр. И.И. Дибича-Забалканского и гр. И.Ф. Паскевича-Эриванского могла быть естественной после Адрианопольского мира¹, заключенного 14 сентября 1829 г.» [11. Т. 3. С. 662]. Упоминание генерала И.Ф. Паскевича-Эриванского, непосредственно и неоднократно общавшегося с персидским посланником как в ходе русско-персидской войны, так и во время исполнения им дипломатической миссии, может отсылать не только событиям «Адрианопольского мира», но и ко всему русско-персидскому культурно-историческому контексту этих лет. Гоголь с 22 сентября 1829 г. находился в Петербурге, и разговоры и слухи о пребывании Хосрова-Мирзы не могли обойти его стороной. Темой подобных слухов мог быть не только Хосров-Мирза, но, как уже было показано, его отец Аббас-Мирза и, возможно, его дед Фетх Али-Шах. Данное предположение базируется на том, что образ иранского шаха гротескно представлен в популярной в России книге служившего в Персии английского дипломата Джеймса Мориера «Похождения Хаджи-Бабы из Исфахана» (1824)². Вопрос об авторстве романа до настоящего времени остается дискуссионным: согласно распространенной гипотезе, Мориер перевел на английский язык записки некоего перса. По предположению Е. Теймури, этим персом мог быть медик «извинительного посольства» Мирза Хаджи-Баба³. Осуществ-

¹ Речь идет о мирном договоре между Россией и Османской империей.

² И. Брагинский в предисловии к современному изданию романа говорит о его двойной атрибуции: «Книга эта относится – причем по-разному – и к английской, и к персидской литературам <...> Как английское произведение, роман остался интересным, но рядовым явлением английской литературы. Как произведение персидское, роман не только занял выдающееся место в персидской литературе нового времени, но и благодаря этому вошел как значительное явление и во всемирную литературу» [12. С. 22]. Перевод книги на персидский язык был осуществлен в конце 1880-х гг. Мирзою Хабибом. Как отмечает М. Абеди, «этот перевод отличается особым стилем и может считаться лучшим образцом иранской прозы. В своем переводе Мирза-Хабиб Исфাহани показал богатство персидского языка и многообразие его повествовательных структур, в новом языке перевода нашел отражение менталитет иранцев, все еще приверженных традициям и стереотипам» [13. С. 139].

³ По мнению Е. Теймури, Мирза Хаджи-Баба был прототипом указанного романа. Иранский исследователь отмечает: «После смерти Аббаса-Мирзы он

ленный О. Сенковским перевод этого авантюрно-приключенческого романа был издан в Петербурге в 1830 и 1831 гг. Знакомство Гоголя с «Похождениями Хаджи-Бабы...» подтверждают многочисленные мотивные переклички с ним цикла «Петербургских повестей» и особенно повести «Нос». Еще одним источником, позволяющим судить о складывающемся в российском сознании образе Ирана и иранцев, являются вышедшие уже в 1880-х гг. работы А. Берже «Хосрев-Мирза», «Фетх-Али-шах и его дети: исторический очерк». Здесь образы персидских правителей и принцев переходят из статуса полуполюгендарных, овеванных вымыслами и слухами в разряд научно-достоверных.

Указывая в «Портрете» на Хосрова-Мирзу и намекая на генералов И.И. Дибича и И.Ф. Паскевича, Гоголь создает смысловой узел, связывающий две восточные войны (с Турцией и Ираном) и персидское посольство. При этом актуальная политическая проблематика оказывается погружена в сниженный мишурно-суетный контекст картинной лавки. Мы, однако, полагаем, что портрет Хосрова-Мирзы, окруженный «бесчувственной карикатурностью» [11. Т. 3. С. 80], становится проводником к иному портрету и иному, не лубочному Востоку. Фантастически-неустойчивая образность найденного Чартковым портрета старика при общей контрастности все же родственна лавочным картинам с их широкой живописной географией. Если на Щукинском дворе в почти физическое соприкосновение вступают «фламандский мужик», город Иерусалим и средневековая Франция с авантюрно-рыцарским сюжетом о Миликтрисе Кирбитьевне, то в студию Чарткова вместе с таинственным портретом входит та самая необъятная, тревожная и гомогенная Азия, приоткрывшаяся в портретах «забалканского» и «эриванского» фельдмаршалов и тегеранского посла. Указанная родственность представляет собой способ подчеркнуть фундаментальные отличия, выражающие онтологический контраст. Если лавочное существование с его остывающим в судах супом и фризowymi шинелями подчинено «добротам» зимы («Или вот зима, возьмите зиму! <...> Вот она какая зима!»), то экзистенция старого портрета задана бронзовым

продолжал служить лейб-медиком при дворе Мухаммад-Шаха. Послужил прообразом героя романа Джеймса Морьера» [14. С. 169].

накалом жарких стран («черты лица <...> отзывались не северною силою. Пламенный полдень был запечатлен в них») [11. Т. 3. С. 80–82]. В подобном со-противопоставлении нам видится особая поэтическая логика. Можно предположить, что в образе Хосрова-Мирзы заложен механизм запуска конструктивного принципа повести: органичного родства контрастно противопоставленных явлений.

Хосров-Мирза предзадает также образ необыкновенного ростовщика: «Он ходил в широком азиатском наряде; темная краска лица указывала на южное его происхождение, но какой именно был он нации: индеец, грек, персиянин, об этом никто не мог сказать наверно» [11. Т. 3. С. 121]. Этот размытый в национальном отношении образ может быть рассмотрен и как развитие заданной с самого начала восточной темы повести, и как опосредованная отсылка к исторической личности Хосрова-Мирзы, дед которого был легендарно известен своей непреодолимой и демонической по силе любовью к деньгам¹. Литературным прототипом ростовщика может служить образ шаха из романа «Похождения Хаджи-Бабы из Исфахана». Здесь, к примеру, исход политического соперничества при шахском дворе французов и англичан определяет взятка. Ею объясняется политическая мудрость шаха, «Убежища мира», постигшего сущность европейских народов посредством туманов: «Но деньги! Деньги объясняли все дело. Убежище мира, без сомнения, полагало в своей мудрости, что мы и в сто лет не приобретем такого точного понятия о франках, какое оно получило от природы о достоинстве наличных туманов» [16. С. 401].

Обратим внимание на еще один иранский персонаж «Петербургских повестей» – продавца опиума из «Невского проспекта». Это персиянин, содержащий магазин шалей и мечтающий о красавице. На просьбу Пискарева он отвечает: «Хорошо, я дам тебе опиуму, только нарисуй мне красавицу. Чтоб хорошая была красавица! чтобы брови были черные и очи большие, как маслины; а я сама чтобы

¹ А. Берже сообщает о шахе, что «отличительною чертою его характера была непомерная жадность к деньгам. Страсть эта развилась в нем до громадных размеров. И как император Тит считал потерянным тот день, в который он не смог сделать кому-либо добра, так точно и Фетх Али-шах с грустью вспоминал день, в который ничего не положил в свой кошелек» [15. С. 552].

лежала возле нее и курила трубку!..» [11. Т. 3. С. 29]. Интересно отметить, что Н. Гоголь актуализирует здесь черты персидской культуры не только упоминанием шалей, опиума, кальяна, но также воссозданием законов грамматики фарси с неразличением мужских и женских родовых форм. Писатель воспроизводит сложившийся в российском сознании культурный стереотип влюбленного перса¹, который также оказывается близок образам персидского романа Дж. Мориера.

Что же касается повести «Нос», то указание на Таврический дворец как резиденцию персидского посланника углубляет характерную для повести логику парадокса: не на иностранца дивится Петербург, а сам иностранец удивлен происходящими в городе необычными происшествиями: «Потом пронесся слух, что не на Невском проспекте, а в Таврическом саду прогуливается нос майора Ковалева, что будто бы он давно уже там; что когда еще проживал там Хосрев-Мирза, то очень удивлялся этой странной игре природы» [11. Т. 3. С. 29]. В фантастической повести Н. Гоголь на минимальном пространстве воспроизводит точные исторические подробности: место пребывания персидского посольства в Петербурге и распоряжение Хосрова-Мирзы о том, чтобы сад Таврического дворца оставался открытым для прогулок горожан.

Сюжет повести «Нос» своим «необыкновенно странным происшествием» восходит к «Похождениям Хаджи-Бабы». В комментариях к повести отмечается: «Ситуация с носом, запеченным в хлеб, скорее всего, явилась у Гоголя пародийным использованием эпизода с „печеной головой“ из популярного тогда романа Морьера „Мирза Хаджи-Баба“, вышедшего в начале 30-х годов в двух переводах. Кроме подбрасывания „печеной головы“ к цирюльнику, можно отметить и в других деталях романа некоторое сходство с „Носом“»

¹ Учитывая то, что Фетх Али-Шах умер в 1834 г., а время создания «Невского проспекта» и «Портрета» – это 1832–1834 гг., можно предположить, что слухи о личности шаха доходили до России, трансформируясь в микросюжеты гоголевских повестей. О характере этих слухов позволяют судить материалы А. Берже, где, в частности присутствует фрагмент, описывающий загородный дворец Нигаристан. Здесь «повелитель Ирана, сидя перед бассейном и не выпуская из рук кальяна, со всею отличавшею его страстностью следил за своими женами...» [15. С. 550].

[11. Т. 3. С. 657]. К числу таких деталей следует отнести то, что главный герой романа – сын брадобрея, и сам в молодости был цирюльником. Поступив впоследствии на службу шахского насаки (жандарма), Хаджи-Баба не раз сталкивался с отрезанными носами и головами.

Подробный анализ мотивных связей гоголевского цикла «Петербургских повестей» с романом Мориера мог бы выявить многочисленные переключки, подтверждающие продуктивность введения понятия «персидский текст» в творчестве Гоголя, в контексте которого и должен быть интерпретирован образ Хосрова-Мирзы. Важно также учитывать неизменный интерес писателя к Персии и шире – ко всему пространству культуры Востока. Мы полагаем, что восточные векторы Гоголя проясняются также в его заочной полемике с О. Сенковским в статье «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году». Критически рассматривая основанный в 1834 г. журнал «Библиотека для чтения» и деятельность его редактора О. Сенковского, Гоголь, среди прочего, порицает последнего за то, что он стремился держать под собственным контролем все публикации, касающиеся Востока: «...весьма важное притязание г. Сенковского и настоящий конек его есть Восток. Здесь он всегда возвышал голос, и как только выходило какое-нибудь сочинение о Востоке <...> он гневался и утверждал, что автор не может судить и не должен судить о Востоке, что он не знает Востока» [11. Т. 8. С. 159]. Возможно, подобный отклик был спровоцирован замечаниями Сенковского, пытавшегося отрицать значение Гоголя и утверждавшего, что настоящая его сфера – малороссийские анекдоты. Между тем культурная эрудиция Гоголя обнаруживает пиетет к персидской культуре, о чем свидетельствуют его конспекты «Истории» Геродота: «Персы иностранные обычаи принимают охотнее всех народов. <...> После храбрости в сражении достоинство мужчины измеряется количеством детей. Вторым проступком после лжи почитают быть в долгах. <...>. Благодетство и гордость отличают этих сильных горцев» [11. Т. 9. С. 152–153]. Нам представляется, что изучение персидских образов и аллюзий у Гоголя является одной из насущных задач имагологии, гоголеведения и востоковедения, и образ Хосрова-Мирзы может стать путеводной нитью этих исследований.

Помимо указанного направления, существует еще одна мало разработанная перспектива изучения образа Хосрова-Мирзы. Сущность ее состоит в анализе зеркального отражения культур, в исследовании путей постижения ими друг друга в сложной ситуации послевоенного урегулирования отношений. В этой связи представляется интересным проследить, каковой представала Россия в глазах персидского посланника и, соответственно, как по-новому открылась Персия, персонифицированная для многих современников в личности Хосрова-Мирзы.

В трагической ситуации недавней войны, непомерной контрибуции, возложенной на Персию, смерти А. Грибоедова в ходе беспрецедентного в истории дипломатии разгрома посольства Хосров-Мирза привозит в Россию не только шахскую извинительную грамоту, драгоценности и подарки. Важно, что приезд принца мыслится им самим как возможность представить за границей лучшие достижения древней и самобытной персидской культуры.

Именно как посланник этой культуры представляет себя Хосров-Мирза, вручая в качестве подарка сыну генерала И.Ф. Паскевича Фёдору собрание сочинений шейха Саади. Вот как описывает подарки Хосрова-Мирзы при отъезде из Тифлиса А. Берже: «Перед отъездом, Хосрев-Мирза сделал прощальный визит графине Паскевич, причем поднес ей две прекрасные шали, а сыну ее полное собрание сочинений персидского поэта Саади» [6. С. 336]. Примечательно, что Фёдору Паскевичу, родившемуся в 1823 г., в это время было 6 лет. Хосрову-Мирзе при знакомстве с генералом И.Ф. Паскевичем в ноябре 1827 г. было 14 лет. Несмотря на юный возраст и Фёдора Паскевича, и Хосрова-Мирзы, преподнесение в подарок сочинений Саади свидетельствует о признании ими глубинной связи персидской и русской культуры и о должной оценке сокровищницы мировой мудрости, воплощенной в имени Саади.

Другой пример актуализации персидской духовной традиции – надпись Хосрова-Мирзы, сделанная на воздвигнутом в его честь монументе в Пятигорске. Командовавший войсками на Кавказской линии генерал Г.А. Эммануэль, ожидавший прибытия принца в Горячеводск (так тогда назывался Пятигорск), приказал в память о пребывании принца в этом городе поставить на вершине горы Машук обелиск. Архитектором И. Бернардацци был изготовлен конусооб-

разный монумент, на фронтоне которого была помещена надпись, составленная Хосровом-Мирзой. Она гласила:

Добрая слава, оставляемая после себя, лучше золотых палат.

Любезный брат!
Мир здешний не останется ни для кого;
Привяжись сердцем к создателю
И не полагайся на блага мирские;
Ибо многих, подобных тебе,
Он сотворил и уничтожил.
Хосров-Мирза, 1244 (1829) г. [6. С. 339].

В воспоминаниях венгерского путешественника де Бессе этот эпизод воспроизводится с некоторыми отличиями, однако неизменным остается факт обращения принца к персидской литературной классике. Де Бессе описывает подъем Хосрова-Мирзы на вершину горы: «Увидев Эльбрус и вечные снега, которые выделялись на фоне чистого сияющего неба, он пожелал оставить память о своем визите на Машук и начертал на скале своею собственной рукой следующее изречение известного поэта Фирдоуси, его мы приводим здесь в переводе: «О смертные! После нас остается только память о добрых делах, которые мы сделали. Старайтесь творить добро, и ваш покой будет безмятежным. Хосров-Мирза» (цит. по: [7]).

Следует отметить, что свет классической персидской поэзии освещает и кульминационную точку дипломатического визита Хосрова-Мирзы. Извинительная грамота Фетх Али-Шаха, выражающая надежду на добрую волю российского императора, заканчивается стихами Саади:

От обширного ума великого нашего благоприятеля, украшающего вселенную, зависеть будет принять милостиво или отринуть извинение....

Пришла пора опять скрепить
Союз приязни снисхождением –
И все минувшее затмить
Благотворительным забвеньем (Саади) [6. С. 346].

Весь этот поэтический контекст визита Хосрова-Мирзы свидетельствует о том, что он выполняет не только извинительную, но и просветительскую миссию. Принц несет свет восточной мудрости туда, где Восток рассматривается по преимуществу как территория, подлежащая если не военному и экономическому завоеванию, то всестороннему контролю. «Я предаю вечному забвению злополучное тегеранское происшествие» [б. С. 347] – эти слова императора Николая I оказываются по воле истории созвучны строчке Саади о «благодетельном забвенье».

Так, говоря современным языком, увенчиваются усилия Хосрова-Мирзы к установлению диалога культур. Принося извинения за смерть российского дипломата, Хосров-Мирза вырабатывает собственную, отличную от агональной тактики А. Грибоедова стратегию. Об успехе дипломатической миссии принца свидетельствует всплеск заинтересованности российского общества культурой Персии. Подтверждением этому может быть описанный А.О. Смирновой эпизод бала, на котором великая княжна Мария Федоровна «была одета персиянкой» (цит. по: [17]). Отметим также, что не только в Петербурге, но и в провинциальных городах России, располагавшихся по пути следования иранской миссии, Хосров-Мирза оставил о себе теплые воспоминания, подкрепленные персидскими подарками. Так, о городском бале, устроенном в честь Хосрова-Мирзы в Ельце, читаем: «По рассказам очевидцев, принц во время бала усердно танцевал с одной прелестной девушкой-дворянкой, которой на прощание подарил великолепную шаль персидской работы» [18. С. 35].

Диалогическая стратегия прослеживается в самой риторике приносимых принцем извинений. Они выражены не в модусе сочувствия, а как сообщение о собственном горе от ненамеренного причинения страдания другому. Так, посетив в Москве мать А. Грибоедова и стремясь утешить ее в потере единственного сына, Хосров-Мирза плачет вместе с нею. В донесении майора Брянчанинова сказано: «По утру сего же дня он ездил к матери Грибоедова, бывшего посла в Персии, она никак не ожидала Его приезде! Свидание их было, как сказывают, очень чувствительно и интересно, разумеется, она как мать не могла быть равнодушною, увидя единомышленцев народа, который лишил ее сына. Принц со слезами у нее просил за них прощения ее, чтоб она сказала ему, в чем он может ей

быть полезен, жал ей долго руку и в это время слезы катились по лицу Его. Таковым поступком он заставил об себе иметь высокое мнение» [5. С. 216]. Так разделенное горе и совместное оплакивание переводит ситуацию из разряда дипломатической акции в демонстрацию глубокой личностной сопричастности. В то же время на фоне общечеловеческого переживания здесь ярко проявлена и специфически восточная традиция мужского плача.

Подобная тактика извинения как выражения собственного горя прослеживается и в речи Хосрова-Мирзы, обращенной к российскому императору. Прежде всего, вводится мотив рока, некоего «духа зла», посягнувшего как на «спокойствие Персии», так и на священный союз между нею и Россией. «Неслыханное злодеяние <...> покрыло глубоким мраком скорби весь наш дом и всех его верноподданных. Ужаснулось праведное сердце Фетх-Али-шаха...» [6. С. 345].

Это свидетельствует о том, что Хосров-Мирза был настоящим послом иранской культуры в России. Такая роль предполагала и то, что он оказывался, образно говоря, прямым проводом, по которому шел в Россию ток персидской культуры и – одновременно – ток русской культуры в Персию.

Живой интерес, проявленный к истории России, размышления над ее становлением принц проявлял, посещая в Москве музеи Кремля. Из донесений Третьего отделения узнаем следующее: «Июля 16-го показывали Ему Кремлевский Дворец и Оружейную Палату, которая очень привлекла Его любопытство, он с большим вниманием все рассматривал и на все испрашивал истолкования. Это видно, что он имеет большую склонность к просвещению. Некоторые хорошие выражения его весьма замечательны, например: при рассматривании платья, которое носил ИМПЕРАТОР ПЕТР I, он сказал: “какое толстое сукно”, но помолчав продолжал: “если бы ПЕТР I не носил такого толстого сукна, то Россия не благоденствовала бы так, как теперь”» [5. С. 215]. Эпизод с одеждой Петра описан у А. Берже с выразительными подробностями: «В оружейной палате принца заинтересовал матросский костюм, который носил Петр Великий в Саардаме. Грубый материал и самый вид наряда не могли не удивить сыновей знойного Ирана, не умевших согласовать такую вопиющую простоту с величием русского венценосца. Когда же один из членов посольской свиты, рассматривая костюм, засмеялся,

Хосров-Мирза, бросив на него строгий взгляд, заметил: “Если бы Петр не носил этого костюма, русские не имели бы флота, и земля их не была бы тем, чем она есть”» [6. С. 341].

По своему смыслу данный эпизод рифмуется с пушкинским описанием встречи с персидским поэтом Фазил-ханом¹, находившимся в свите Хосрова-Мирзы. Здесь также первоначальная холодно-насмешливая вежливость сменяется радостью узнавания родственной поэтической души и отказом судить о целом народе по внешним приметам. О встрече с Фазил-ханом 24 марта 1829 г. на Военно-Грузинской дороге около селения Казбек Пушкин рассказал в первой главе «Путешествия в Арзрум»: «Ждали персидского принца. В некотором расстоянии от Казбека попались нам навстречу несколько колясок и затруднили узкую дорогу. Покаместь экипажи разъезжались, конвойный офицер объявил нам, что он провожает придворного персидского поэта и, по моему желанию, представил меня Фазил-Хану. Я, с помощью переводчика, начал было высокопарное восточное приветствие; но как же мне стало совестно, когда Фазил-Хан отвечал на мою неуместную затейливость простою, умной учтивостию порядочного человека! <...> Со стыдом принужден я был оставить важно-шутливый тон, и съехать на обыкновенные европейские фразы. Вот урок нашей русской насмешливости. Вперед не стану судить о человеке по его бараньей папахе² и по крашеным ногтям» [20. С. 452–453].

¹ Фазил-хан – придворный поэт, был учителем детей Аббаса Мирзы. Судьба этого персидского поэта оказалась прочно связана с Россией. После воцарения Мухаммада Мирзы Фазил-хан, опасаясь, что его постигнет трагическая участь Хосрова-Мирзы, в сентябре 1838 г. бежал в Россию и поселился в Тифлисе. «Там исполнилась его давняя мечта – он стал преподавать восточные языки в школе. Кроме того, <...> он стал неизменным спутником и помощником выдающегося русского востоковеда Н.В. Ханькова <...> Фазил Хан принял присягу на русское подданство. Умер в Тифлисе в 1852 г.» [8. С. 107].

² Обращает на себя внимание постоянное упоминание головных уборов персов: «бараньей папахи» у А. Пушкина, «бараньей шапки» у Н. Гоголя. Дж. Мориер в одной из первых своих публикаций, уже содержащей отдельные эпизоды «Похождений Хаджи-Бабы...», «Путешествии по Персии, Армении и Малой Азии до Константинополя в 1808 и 1809 годах» (1812 г.) писал следующее: «Головной убор каждого иранца, от короля до нищего, сделан из одного материала, который представляет собой черную шапку высотой около полутора футов, цве-

Очевидно, что и в гоголевском «Портрете» упомянутый среди «гравированных изображений» портрет Хосрова-Мирзы в бараньей шапке содержит в себе не только иронию по поводу экзотического художественного собрания. В точечном упоминании персидского принца спрессован целый смысловой комплекс, сочетающий идеи призвания (поприща), признания и роковой предопределенности, молодости, успеха, мистицизма, жертвенности.

Таким образом, мы можем наблюдать, как культуры открывались друг другу усилиями собственных посланников и поэтов. И роль Хосрова-Мирзы в этом встречном движении была отмечена императором Николаем I. Граф К. Нессельроде, обращавшийся к принцу во время аудиенции, посвященной тегеранским событиям, от имени Николая I, отмечал: «Избрание Вашего высочества для сих изъяснений крайне приятно Государю Императору» [6. С. 347].

Хосров-Мирза, сумевший во всей полноте оценить значение личности Петра, и сам проявил себя как политик, мыслящий о путях прогресса в собственной стране. Находясь в России, принц живо интересовался достижениями наук и искусств, посещал учебные заведения и театры. Из бумаг сопровождавшего Хосрова-Мирзу в Петербурге графа П.П. Сухтелена мы узнаем, что «Хозревом-Мирзою были осмотрены Академии наук и художеств, Эрмитаж, литейный двор, монетный двор, арсенал, 1-й кадетский, инженерный, морской и горный корпуса, адмиралтейство с его музеем, биржа, берейторская и фехтовальная школы, воспитательный дом и училище глухонемых, Смольный институт, более знаменитые храмы столицы, театры, казармы и проч. <...> Из учреждений, находящихся вне города, Хозрев-Мирза осмотрел казенный литейный завод, Охтенский и Сестрорецкий и Царскосельскую бумажную фабрику. Был и в Кронштадте» [1. С. 222].

Сведения об этих посещениях мы находим не только в российских, но и в персидских источниках. Воспоминания о посольстве в

том блестящего черного янтаря, и все это сделано из кожи одного животного; самого тонкого и лучшего вида шапки сделаны из шкуры молодого барашка, и чем дольше он живет, тем менее хорош материал этой шапки, и кожа взрослого ягненка идет на шапки обычных людей» [19. С. 275–276].

Петербург были собраны по приказу Мирзы Масуда¹ его секретарем Мирзой Мостафой Афшаром. Эта книга известна под названием «Рузнама-йе сафари Петербург» («Дневник путешествия в Петербург» или «Путевые заметки Хосрова-Мирзы»). Мы выбрали из персидского дневника те фрагменты, которые отражают важные моменты культурного диалога². Например, обращает на себя внимание подробное описание прибытия посольской миссии в царский дворец: «Корабль, на котором был поднят флаг Ирана, доставил Хосрова-Мирзу к мосту над рекой Невой, а оттуда все поплыли во дворец, подготовленный для иранской делегации. Таврический дворец был одним из царских дворцов России на берегу реки Невы в Санкт-Петербурге <...> У русского императора было две причины для отправки принца на корабле: первая – показать свое величие, вторая – выразить дружбу с правительством Ирана, чей флаг развивался в вышоте над рекой, и кроме того, было важно показать, что не только русское правительство, но и правительства других стран, чьи торговые суда находились в Санкт-Петербурге, выражают свое уважение Ирану» [22. С. 223–224].

В «Путевых заметках...» дается подробное описание подготовки Таврического дворца к приему персидского принца, размещения его охраны и членов делегации: «Возле дома Таврида, по обе стороны, будут размещаться четыре отряда всадников, а в самом этом доме разместится группа охраны с переводчиком-гидом и руководители музыкальной группы. Стража будет оставаться во дворце в течение всего времени пребывания принца в Петербурге» [22. С. 208].

С приездом принца по приказу императора каждый день являлись музыканты, и в дворцовом саду звучала музыка. Горожане, как и прежде, по вечерам гуляли в саду и у озера. Иногда принц, зная интерес к нему со стороны петербуржцев, выходил из дворца, и тогда

¹ Мирза Масуд – статс-секретарь и главный переводчик Аббаса Мирзы. Участвовал с иранской стороны в установлении границ по Туркманчайскому договору. Был «одним из образованнейших персов своего времени» [8. С. 104].

² Данной книге была посвящена публикация Ч.А. Байбурди и Ю.Е. Борщевского, где давалось ее краткое описание и делался вывод о несомненном интересе, который должен вызвать дневник у иранистов и историков России. По мнению авторов, дневник является одним из немногих свидетельств о России XIX в., оставленных образованным персом (см.: [21]).

мужчины и женщины собирались на аллеях, по которым он шел. Все кланялись принцу, и он кивал в ответ.

Различные источники упоминают о том, что Хосров-Мирза наблюдал в России изготовление литографии, и затем основал эту промышленность в Иране: литографическая печать впервые была применена во время правления Фетх Али-Шаха Каджара. После посещения России Хосровом-Мирзой в Тебризе была основана первая иранская литографическая типография. Первыми книгами, отпечатанными литографической печатью в Тебризе, был Коран (в 1250/1834 г.) и книги «Зад-аль-Маад» (в 1251/1835 г.). В 1259/1843 г. литографическую типографию привезли в Тегеран и издали книги «История Моджама» и «Петр Великий».

В «Путевых заметках Хосрова Мирзы» процесс литографической печати описан следующим образом: «Литография – это нанесение карты специальными чернилами, обладающими проникающей способностью. Возможно написание на бумаге. После того, как чернила высохнут, карта или бумага придавливаются на камне и прижимаются под грузом, и при соединении чернила проникают в камень. После этого камень промывают специальным маслом и удаляют пятна» [22. С. 275].

Все эти примеры позволяют понять одни и те же события во взаимоотношении российской и персидской культур. В этой перспективе следует говорить о том, что персидское посольство в Петербург 1829 г., обусловленное трагическими событиями, все же существенно способствовало укреплению авторитета Ирана, формированию его уникального культурного облика в сознании широкой российской общественности. Немалая заслуга в установлении диалогического характера отношений принадлежит главе персидской миссии принцу Хосрову-Мирзе.

Принося извинения за смерть А. Грибоедова, Хосров-Мирза в полной мере выполнил собственную дипломатическую задачу. Значение деятельности А. Грибоедова генерал Е. Муравьев-Карский определил так: «Грибоедов в Персии был совершенно на своём месте, <...> он заменял нам там единым своим лицом двадцатитысячную армию» [23. С. 43]. Значение же миссии Хосрова-Мирзы определяет тот факт, что после его визита народы России и Персии никогда больше не воевали.

В заключение следует подчеркнуть, что образ Хосрова-Мирзы является своеобразной эмблемой Ирана в русской культуре. Соотнесение российских исторических документов и очерков с персидскими впечатлениями о Петербурге, отраженными в «Путевых заметках Хосрова-Мирзы», позволяет говорить о том, что возглавляемое Хосровом-Мирзой персидское искупительное посольство задало установку на диалог согласия как устойчивую модель российско-персидских отношений.

Список источников

1. *Розанов М.* Персидское посольство в России 1829 года. (По бумагам графа П.П. Сухтелена) // Русский архив. 1889. № 1. С. 209–260.
2. *Алексеев П.В.* Восток и восточный текст русской литературы первой половины XIX века: концептосфера русского ориентализма : дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2015. 420 с.
3. *Кулагина Л.М.* Россия и Иран (XIX – начало XX века). М. : Ключ – С, 2010. 272 с.
4. *Мальцева Т.* Изображение Персии в русской документальной прозе XIX века («Путешествие в Персию» А.Д. Салтыкова) // Исследовательский журнал русского языка и литературы. 2019. Вып. 7 (2). С. 81–97.
5. Документы III отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М. : Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. Вып. XII. С. 211–222.
6. *Берже А.П.* Хосрев-Мирза // Русская старина. 1879. Т. 25 (май–август). С. 333–352; 401–414.
7. *Маркелов Н.* Персидский принц Хозров-Мирза в России // Русская линия. 2001. URL: <https://rusk.ru/st.php?idar=800462>
8. *Балащенко Ю.Д.* К вопросу о составе искупительного посольства Хосров Мирзы в 1929 году в Россию (из истории персидско-русских отношений в первой трети XIX в.) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. М. : Наука, 1986. С. 102–109.
9. *Серегина Н.* Персонаж Хозрев-Мирза в опере Д. Шостаковича «Нос» // Научный электронный журнал АРТИКУЛЬТ. 2018. № 31 (3), июнь–сентябрь. С. 139–143.
10. *Фомичев С.А.* Грибоедовский эпизод в «Путешествии в Арзрум» // Фомичев С.А. Пушкинская перспектива. М. : Знак, 2007. С. 440–454.
11. *Гоголь Н.В.* Полное собрание сочинений : в 14 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937–1952.
12. *Брагинский И.* Разговор с читателем о книге «Похождения Хаджи-Бабь», о ее авторе и кой о чем прочем // Мориер Дж. Похождения Хаджи-Бабь из Исфахана. М. : Художественная литература, 1989. С. 5–22.

13. *Абеди М.* Хаджи Баба Есфохани дар барзахе забане саде ва мотакалле-фане (Хаджи Баба Исфохани между высоким стилем и просторечьем) // *Маджалле Дар бабе забан (Журнал о языке)*. 2012. С. 140–157 (на перс. яз.).

14. *Теймури Е.* Вагее гатле Грибоедов дар замане хокумате Фатх Али-Шах (Правда об убийстве Грибоедова в правление Фетх Али-Шаха) // *Везарате Омуре харедже*. 1345/1966. № 3. С. 169–171. (на перс. яз.)

15. *Берже А. П.* Фетх-Али-шах и его дети: исторический очерк (1762–1834) // *Русская старина*. 1886. Т. 50. С. 549–562.

16. *Мориер Дж.* Похождения Хаджи-Бабы из Исфохана. М.: Художественная литература, 1989. 447 с.

17. Хозрев-Мирза URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A5%D0%BE%D0%B7%D1%80%D0%B5%D0%B2-%D0%9C%D0%B8%D1%80%D0%B7%D0%B0>

18. *Магомедханов В.* Один эпизод из поездки принца Хосров-мирзы из Тегерана в Санкт-Петербург // *История и историческая память*. Саратов : Издательство Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, 2019. Вып. 18. С. 30–36.

19. *Мориер Дж.* Воспоминания о путешествиях (первая поездка) / пер. А. Сери. Тегеран : Тус, 1386/2007. 459 с. (на перс. яз.).

20. *Пушкин А.С.* Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года // *Пушкин А.С. Полное собрание сочинений* : в 16 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 8. С. 441–490.

21. *Байбурди Ч.А., Борцевский Ю.Е.* Искупительное посольство Хосров Мирзы в Россию в 1829 г. и его дневник «Рузнама-йе сафари Петербург» // *Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока*. М. : Наука, 1970. С. 390–441.

22. *Афшар М.* Рузнаме-йе сафари Петербург. (Дневник путешествия в Петербург). Тегеран : Еттехад, 1349/1970. 415 с. (на перс. яз.).

23. Из записок Н.Н. Муравьева-Карского. 1828–1829 годы // *Русский архив*. 1894. № 1. С. 5–54.

References

1. Rozanov, M. (1889) *Persidskoe posol'stvo v Rossii 1829 goda*. (Po bumagam grafa P.P. Sukhtelena) [Persian embassy in Russia in 1829. (According to the papers of Count P.P. Sukhtelen)]. *Russkiy arkhiv*. 1. pp. 209–260.

2. Alekseev, P.V. (2015) *Vostok i vostochnyy tekst russkoy literatury pervoy poloviny XIX veka: kontseptosfera russkogo orientalizma* [The East and the Oriental Text of Russian Literature in the First Half of the 19th Century: Conceptual Sphere of Russian Orientalism]. Philology Dr. Diss. Tomsk.

3. Kulagina, L.M. (2010) *Rossiya i Iran (XIX – nachalo XX veka)* [Russia and Iran (19th – early 20th centuries)]. Moscow: Izd-vo “Klyuch – S”.

4. Mal'tseva, T. (2019) Image of Persia in the Russian Documentary Prose of the XIX Century ("Journey to Persia" by A.D. Saltykov). *Issledovatel'skiy zhurnal russkogo yazyka i literatury*. 7 (2). pp. 81–97. (In Russian). DOI: 10.29252/iarll.13.2.81
5. Bigovchiy, S.A. et al. (eds) Dokumenty III otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii [Documents of the Third Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery]. In: *Rossiyskiy Arkhiv: Istoriya Otechestva v svi-detel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv.: Al'manakh* [Russian Archive: History of the Fatherland in evidence and documents of the 18th–20th centuries: Almanac]. Vol. 12. Moscow: Studiya TRITE: Ros. Arkhiv. pp. 211–222.
6. Berzhe, A.P. (1879) Khosrev-Mirza [Khosrow Mirza]. *Russkaya starina*. 25 (May–August). pp. 333–352; pp. 401–414.
7. Markelov, N. (2001) *Persidskiy prints Khosrov-Mirza v Rossii* [Persian Prince Khosrow Mirza in Russia]. [Online] Available from: <https://rusk.ru/st.php?idar=800462>
8. Balatsenko, Yu.D. (1986) K voprosu o sostave iskupitel'nogo posol'stva Khosrov Mirzy v 1929 godu v Rossiyu (iz istorii persidsko-russkikh otноsheniy v pervoy treti XIX v.) [On the composition of Khosrow Mirza's expiatory embassy to Russia in 1929 (from the history of Persian-Russian relations in the first third of the 19th century)]. In: *Pis'mennye pamyatniki i problemy istorii kul'tury narodov Vostoka* [Written monuments and problems of the history of culture of the peoples of the East]. Moscow: Nauka. pp. 102–109.
9. Seregina, N. (2018) The Character of Khosrev-Mirza in D. Shostakovich's Opera "The Nose". *ARTIKUL'T – ART & CULT*. 31 (3). pp. 139–143. (In Russian).
10. Fomichev, S.A. (2007) Griboedovskiy epizod v "Puteshestvii v Arzrum" [The Griboedov episode in A Journey to Arzrum]. Fomichev, S.A. *Pushkinskaya perspektiva* [Pushkin's perspective]. Moscow: Znak. pp. 440–454.
11. Gogol', N.V. (1937–1952) *Polnoe sobranie sochineniy: v 14 t.* [Complete Works: in 14 vols]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
12. Braginskiy, I. (1989) Razgovor s chitatelem o knige "Pokhozheniya Khadzhi-Baby", o ee avtore i koy o chem prochem [Conversation with the reader about the book "The Adventures of Hajji Baba of Ispahan", about its author and some other things]. In: Morier, J. *Pokhozheniya Khadzhi Baby iz Isfakhana* [The Adventures of Hajji Baba of Ispahan]. Translated from English. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 5–22.
13. Abedi, M. (2012) Hajji Baba of Ispahan between high style and vernacular. *Madzhalle Dar babe zaban*. pp. 140–157. (In Persian).
14. Teimuri, E. (1345/1966) The truth about the murder of Griboedov during the reign of Fath Ali Shah. *Vezarate Omure kharedzhe*. 3. pp. 169–171. (In Persian).
15. Berge, A.P. (1886) Fetkh-Ali-shakh i ego deti: istoricheskiy ocherk (1762–1834) [Fath-Ali-Shah and his children: a historical essay (1762–1834)]. *Russkaya starina*. 50. pp. 549–562.
16. Morier, J. (1989) *Pokhozheniya Khadzhi Baby iz Isfakhana* [The Adventures of Hajji Baba of Ispahan]. Translated from English. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

17. Wikipedia. (n.d.) *Khosrow-Mirza*. [Online] Available from: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A5%D0%BE%D0%B7%D1%80%D0%B5%D0%B2-%D0%9C%D0%B8%D1%80%D0%B7%D0%B0>

18. Magomedkhanov, V. (2019) One Episode From the Trip of Prince Khosrov-Mirza From Tehran to St. Petersburg. *Istoriya i istoricheskaya pamyat'*. 18. pp. 30–36. (In Russian).

19. Morier, J. (1386/2007) *Travel memories (first trip)*. Tehran: Tus. (In Persian).

20. Pushkin, A.S. (1948) *Puteshestvie v Arzrum vo vremya pokhoda 1829 goda* [A Journey to Arzrum during the campaign of 1829]. In: Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochineniy: V 16 t.* [Complete Works: In 16 vols]. Vol. 8. Moscow; Leningrad: USSR AS. pp. 441–490.

21. Bayburdi, Ch.A. & Borshchevskiy, Yu.E. (1970) *Iskupitel'noe posol'stvo Khosrov Mirzy v Rossiyu v 1829 g. i ego dnevnik "Ruznama-ye safari Petersburg"* [Expiatory embassy of Khosrov Mirza to Russia in 1829 and his diary "Ruznam-ye safari Petersburg"]. In: *Pis'mennye pamyatniki i problemy istorii kul'tury narodov Vostoka* [Written monuments and problems of the history of culture of the peoples of the East]. Moscow: Nauka. pp. 390–441.

22. Afshar, M.M. (1349/1970) *The Travel Notes of Khosrow Mirza*. Tehran: Ettekhad. (In Persian).

23. *Russkiy arkhiv*. (1894) *Iz zapisok N.N. Murav'eva-Karskogo. 1828–1829 gody* [From the notes of N.N. Muravyov-Karsky. 1828–1829]. 1. pp. 5–54.

Информация об авторах:

Кравченко О.А. – д-р филол. наук, аффилированный профессор кафедры русского языка факультета литературы Университета Аль-Захра (Тегеран, Иран). E-mail: o.kravchenko@alzahra.ac.ir

Садеги Сахлабад З. – канд. филол. наук, преподаватель кафедры русского языка факультета литературы Университета Аль-Захра (Тегеран, Иран). E-mail: Z.sadeghi@alzahra.ac.ir

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

O.A. Kravchenko, Dr. Sci. (Philology), affiliate professor, Department of Russian Language, Faculty of Literature, Alzahra University (Tehran, Islamic Republic of Iran). E-mail: o.kravchenko@alzahra.ac.ir

Z. Sadeghi Sahlabad, Cand. Sci. (Philology), assistant professor, Department of Russian Language, Faculty of Literature, Alzahra University (Tehran, Islamic Republic of Iran). E-mail: Z.sadeghi@alzahra.ac.ir

The authors declare no conflicts of interests.

Статья принята к публикации 23.08.2021.

The article was accepted for publication 23.08.2021.